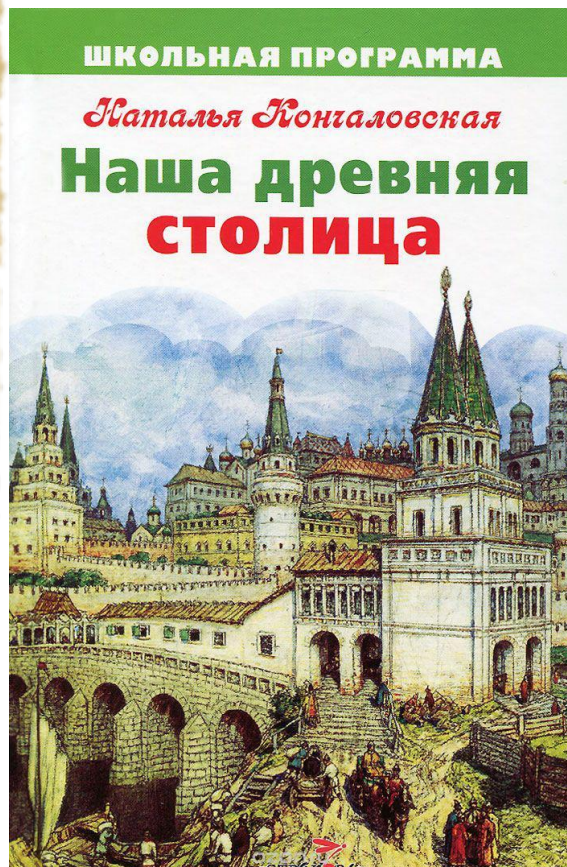
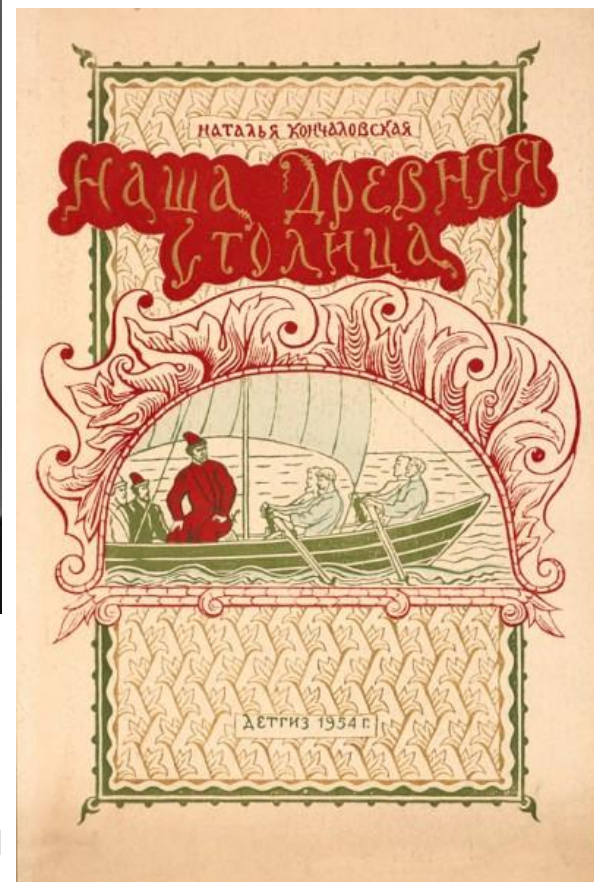

Наталья Кончаловская

«Наша древняя столица»

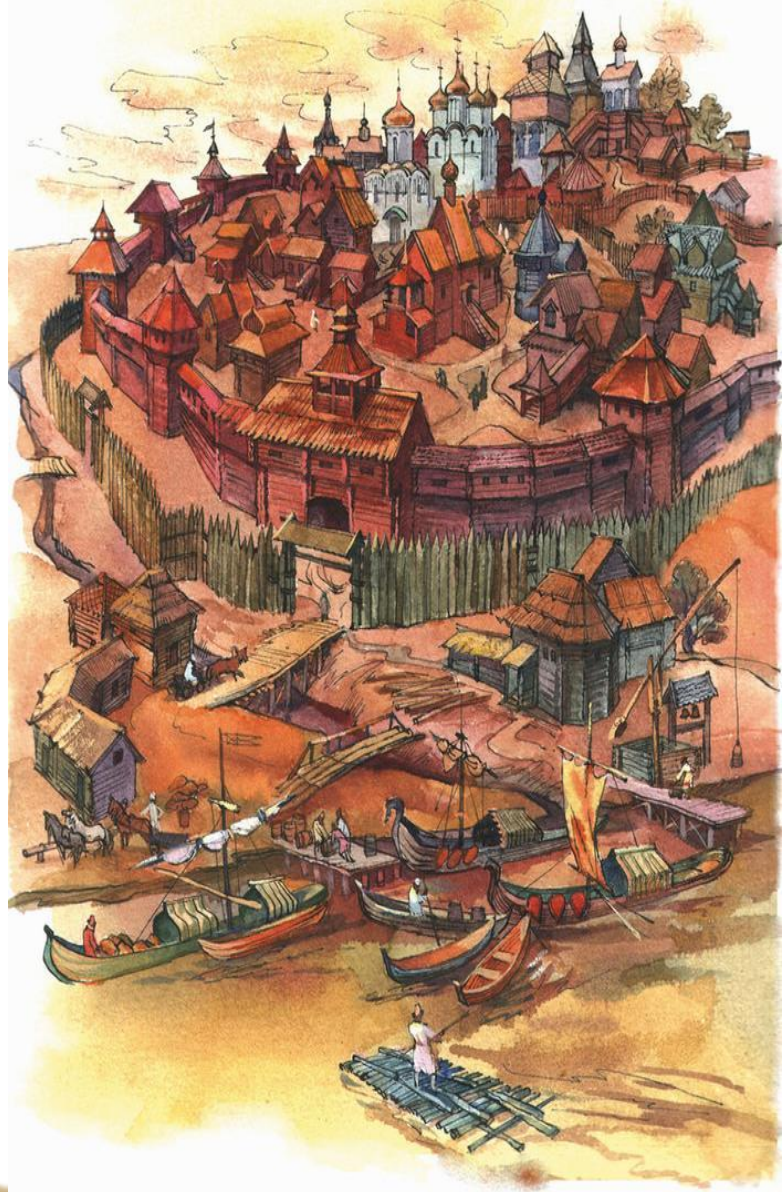
Слава нашей стороне!
Слава русской старине!
Я рассказывать начну,
Чтобы дети знать могли
О делах родной земли.

ГДЕ ТЕПЕРЬ МОСКВА-СТОЛИЦА, ЖИЛИ РАНЬШЕ ЗВЕРЬ ДА ПТИЦА

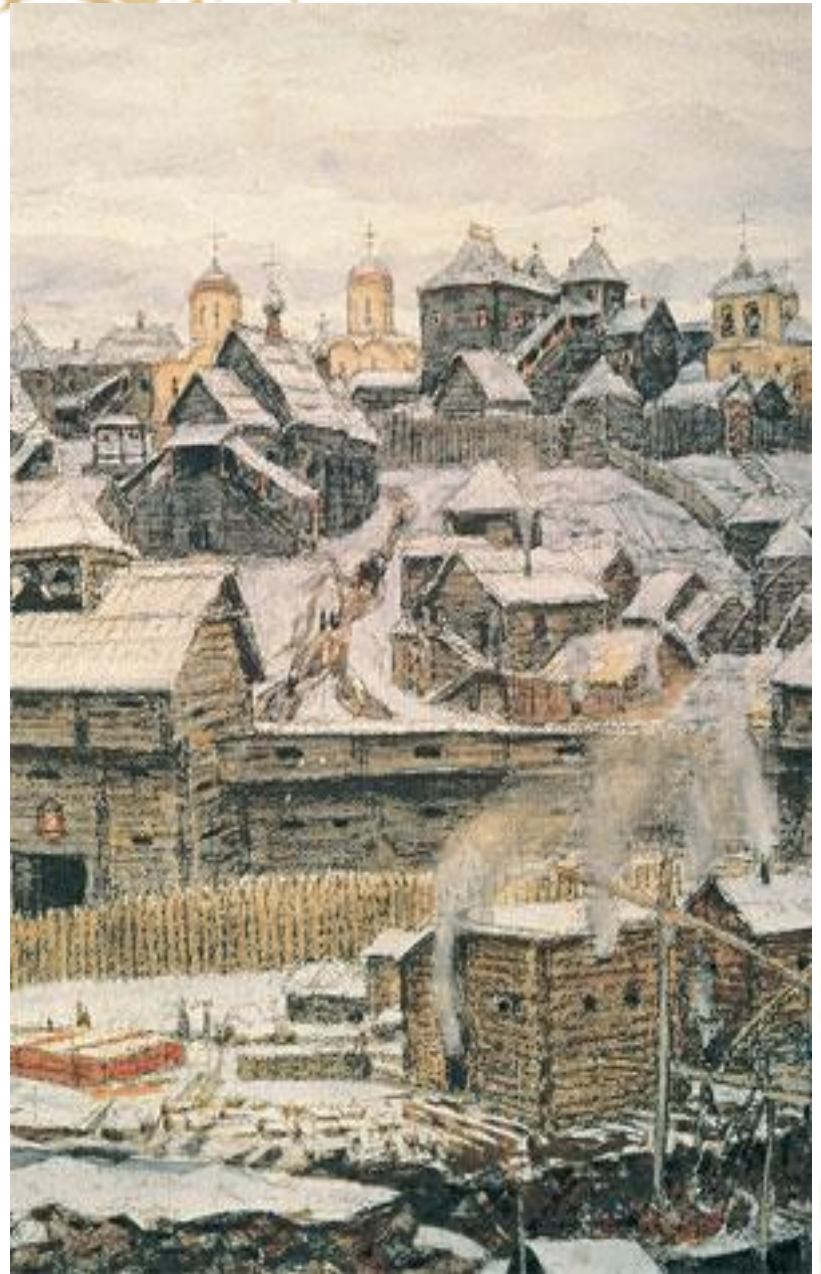
Читатель мой, бывал ли ты
На башне университета?
Видал ли с этой высоты
Столицу нашу в час рассвета?
Когда за дымкой голубой,
А в летний зной — совсем лиловой
Москва-река перед тобой
Лежит серебряной подковой.
Всё видно с высоты такой —
Бульвары, площади и парки,
Мосты повисли над рекой,
Раскинув кружевные арки.
Ты ищешь Кремль? Вон холм
крутой
Игрушечный Иван Великий,
На луковке его золотой
Играют солнечные блики...

Давай займёмся стариной!
Представь себе, читатель мой,
Что там, где столько крыш вдали,
Огромный лес стоял когда-то,
Дубы могучие росли,
Шумели липы в три обхвата,
Полянки вместо площадей,
А вместо улиц — перелогы,
И стаи диких лебедей,
И рёв медведицы в берлоге,
И на заре на водопой,
Где плещет свежесть ключевая,
Шли лоси узкою тропой,
Рогами сучья задевая...
Текла река в лесах, в лугах,
Ладьи скользили по теченью,
А на высоких берегах
Виднелись тут и там селенья.

Славянский люд в них проживал
С десятого, быть может, века,
Тот люд Москвою называл
Глубокую, большую реку.
Природы щедрые дары
Ценить уже умели люди.
Для них заботливо бобры
Вели хозяйство на запруде.
Для них копили пчёлы мёд,
Растила птиц трава густая,
В глубинах москворецких вод
Икру метала рыба стая.
Они пасли в лугах стада,
Пахали землю под пшеницу,
Купцам сбывали в города
И лён, и воск, и мёд, и птицу.
Из года в год богатый сбыт
Мехам бобра, медвежьим шкурам.
Водой и сушей путь открыт
В Ростов, Владимир, Суздаль,
Муром.
Всё это были города
Руси лесистой и огромной.
Столицей Киев был тогда,

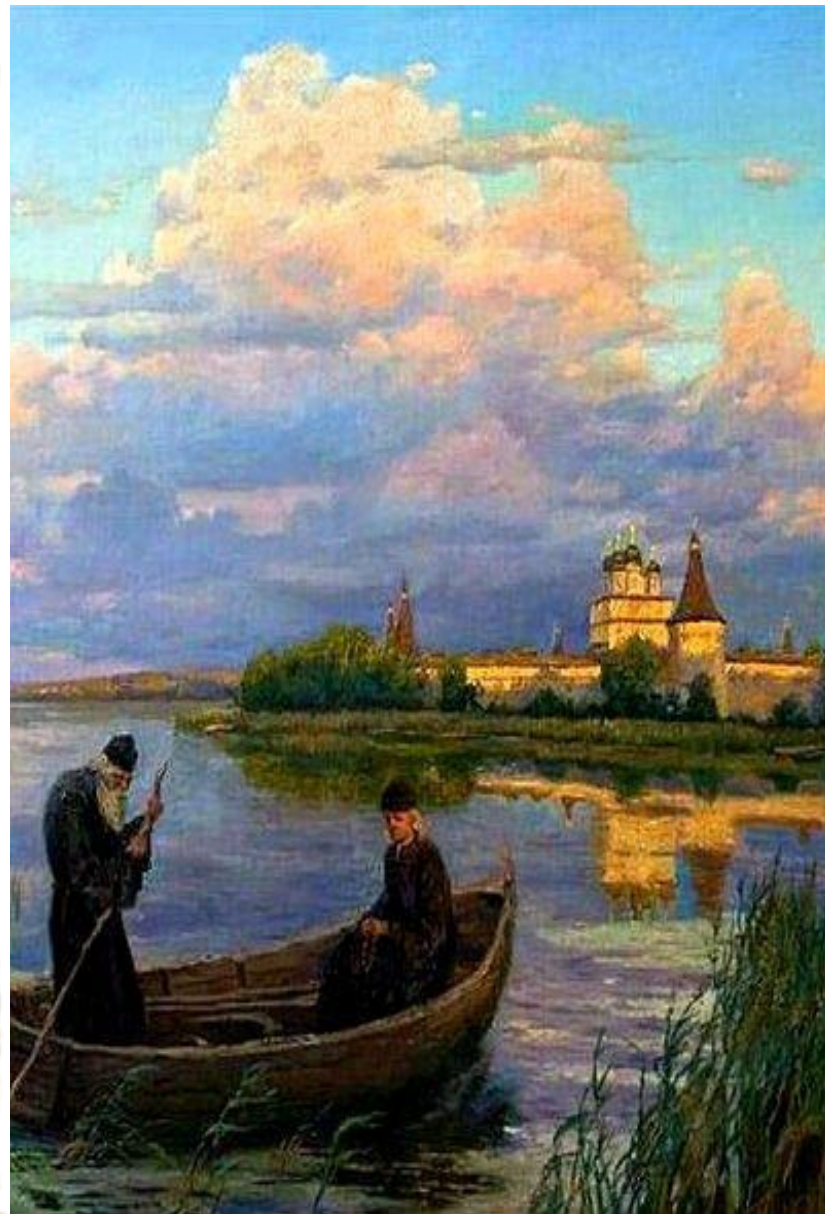

Москва-река, тебе хвала!
В веках ты видела немало.
Когда б ты говорить могла,
Ты многое бы рассказала.
Ты б рассказала нам о том,
Как люди начали селиться,
За тыном — тын, за домом — дом
Росло на берегу твоём
Начало будущей столицы.
Ты отражала в глади вод
Тот первый Кремль и город
новый,
Что строил русский наш народ
Под первую стеной сосновой...
Вот этот первый городок

О ЦЕРКВАХ, МОНАСТЫРЯХ И О ТОМ, КАК ЖИЛ МОНАХ

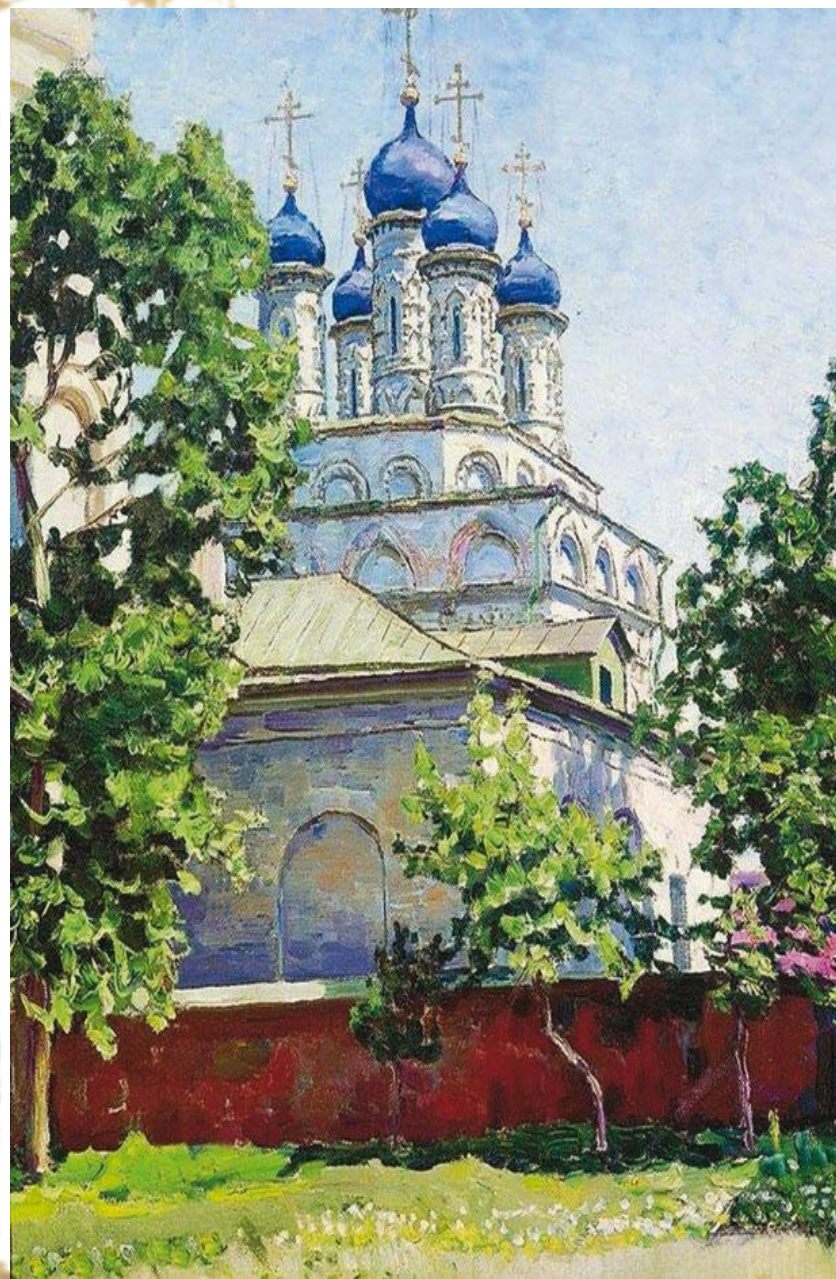
Под Москвою, на дорогах,
Средь лесов и пустырей,
В старину стояло много
Сторожей-монастырей.
В них всегда монахи
жили,
Пили, ели, не тужили,
Всё давала им земля —
Огороды и поля.
Монастырские уголья
Сразу видны издали —
Так и пышет
плодородьем
От монашеской земли.
Монастырская пшеница
Выше роста колосится,
Выше пояса — овёс,
По колена — сенокос.
А работает в полях
Не звонарь и не монах —
Пашут поле батраки,
Крепостные мужики.

Для монаха всё готово:
И от рыбного улова,
И от пчельника доход
В монастырь несёт народ.
Скот разводят для монаха,
Сосны рубят для монаха.
На крестьянских на кормах
Тунейдцем жил монах.
За крестьян молил он бога,
От крестьян дохода много...
Всё, что видно вдаль и вширь, —
Всем владеет монастырь.
Но когда заметят в страхе
Вражий стан со стен монахи
Иль блеснут издалека
Копья вражьего полка,
Тотчас в Кремль гонец-монах
Мчится, стоя в стременах,
Объявить, что под Москвою
Показалась вражья рать,
Чтоб готовы были к бою:
Стольный град оборонять!

А крестьяне между тем
С монастырских крепких стен
Путь в столицу защищали,
Метко били их пищали,
И частенько под Москвой
Закипал горячий бой.
Много раз за стены эти
Укрывались бабы, дети, —
Как объявится беда,
Весь народ бежит сюда...
Сохранились и поныне
Древнерусские твердыни.
Поезжай да посмотри
На Москве монастыри:
Новодевичий, Данилов,
И Андроньев, и Донской.
Эти стены вражью силу
Оттесняли под Москвой.

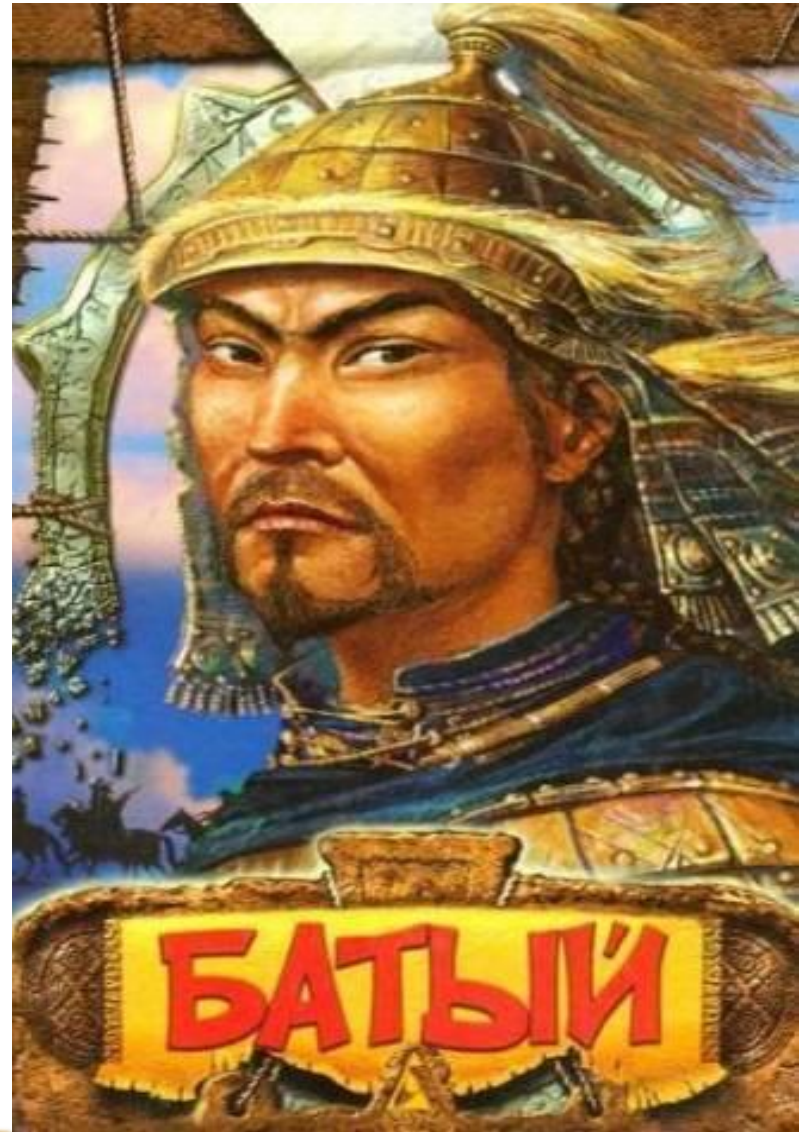
В монастырской келье
узкой,
В четырёх глухих стенах
О земле о древнерусской
Быль записывал монах.
Он писал зимой и летом,
Озарённый тусклым
светом.
Он писал из года в год
Про великий наш народ.
О нашествии Батыя
Написал он в грозный час,

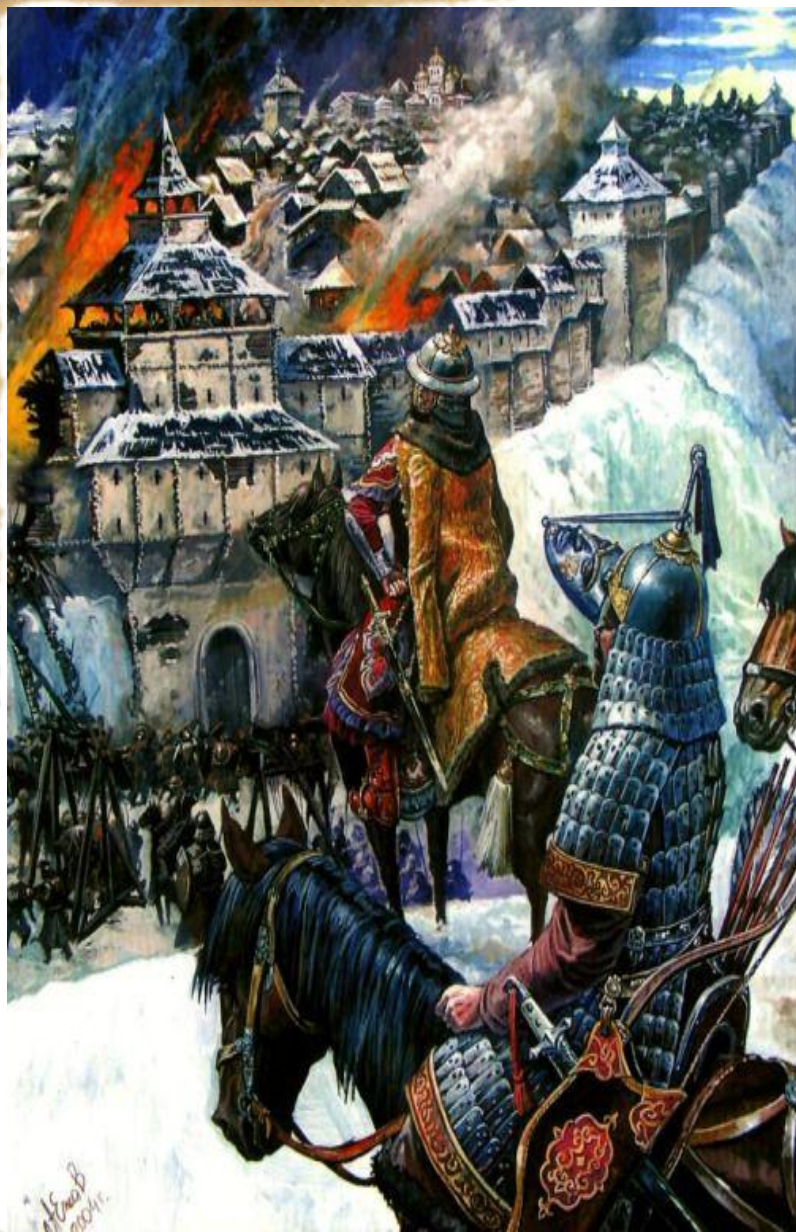

1237 год

РАЗОРЯЯ ГОРОДА, ШЛА МОНГОЛЬСКАЯ ОРДА

Был страшный год, когда все
страны
Боялись больше, чем огня,
Батя — внука Чингис-хана,
Своё соседство с ним кляня.
«Баты-ы-ый!» — пронзающие
стрелы,
«Бату!» — как палицы удар.
Его послушаться не смела
Орда монголов и татар.
Был страшный век, когда монголы
На Русь лавиною пошли,
В осенний лень по степи гопой.

Жестоких воинов раскосых
Батый собрал со всей земли,
Быки их юрты на колёсах
С детьми и жёнами везли.
И по Батыеву велению
За войском следом шли стада,
Как будто бы в переселенье
На запад двинулась орда.
И скрип колёс, и свист нагайки,
И рев быков, и плач детей,
И птиц испуганные стайки
Из-под копыт у лошадей...
Так шла чудовищным потоком
На Русь монгольская орда
В одном стремлении жестоком
Сжигать и грабить города.

Не молодица любовалась,
Играя зеркальцем в руке,
А в день погожий отражалась
Рязань-красавица в Оке.
В зеркальные гляделись воды,
Сбегая весело с холма,
Крылечки, башни, переходы —
Князей рязанских терема.
На площади собор богатый,
За ним раскинулся базар,
Вокруг хоромы и палаты
Купцов рязанских и бояр.
За ними слободы людские,
Дворы, часовни городские...

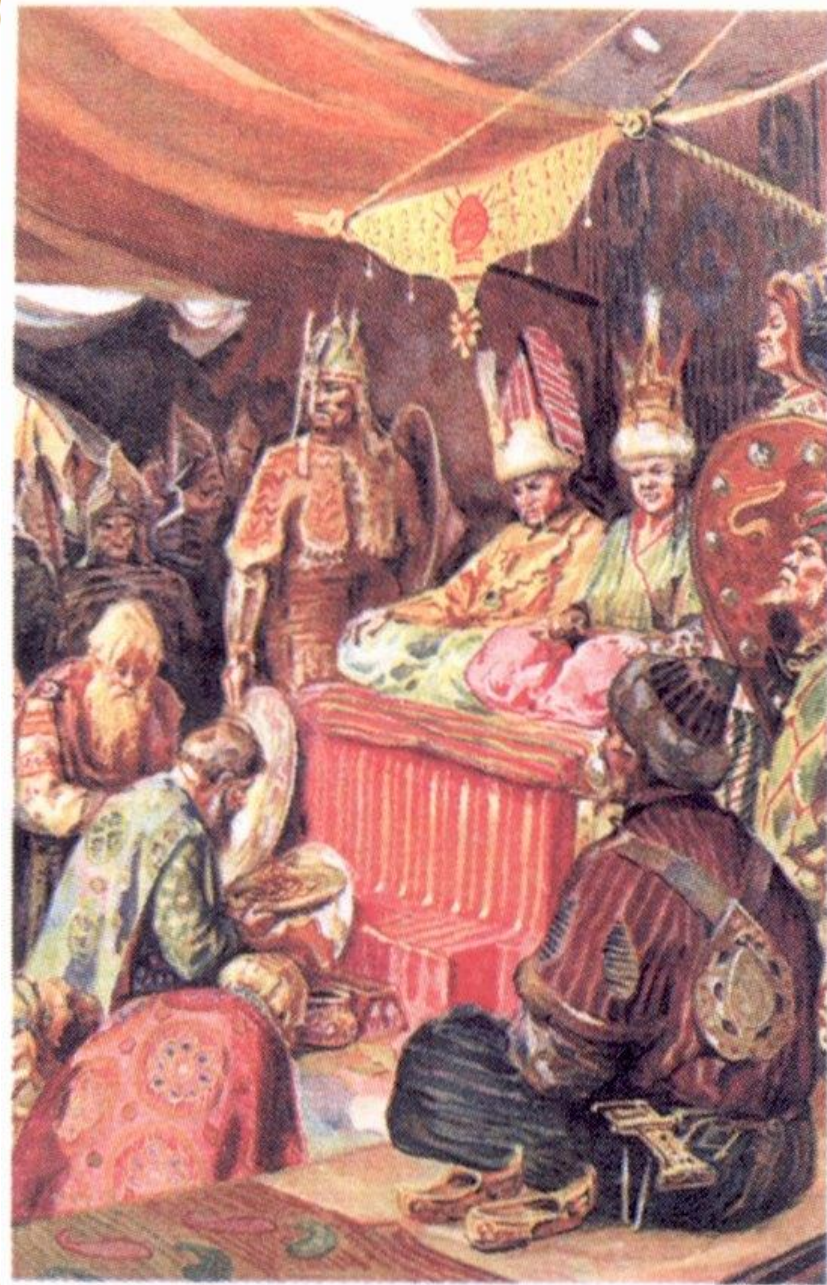

В тот день морозный, день
короткий,
Под снегом спали зелены,
В тот день у проруби молодки
Смеялись, вёдрами звеня;
У ребятишек шло катанье
На разметённом окском льду,
Когда на поле, под Рязанью,
Батый привёл свою орду.
Ой, лихо, лихо! Ой, беда!
Стоит орда, грозит орда!
Дымит кострами в чистом поле
И требует десятой доли
Всего от каждого двора —

В морозной снежной мгле
кострами
Чадит Батыева орда.
К Батыю с пышными дарами
Рязанский князь пришёл тогда.
Он сам собрал Батыю дань:
«Возьми дары! Не тронь Рязань!»
Любуясь княжьими дарами,
Батый кумыс из чаши пил
И, сидя в юрте меж коврами,
С усмешкой князю говорил:
«Коль хочешь мира, русский бай,

—
Княгиню в жёны мне отдай!»
Взбешённый, не взглянув на хана,
Князь Фёдор молча вышел вон,
Но т...
У вх... н...

А под покровом ночи тёмной,
Спеша в предутреннюю рань,
Из Пронска, Мурома, Коломны
Три князя шли спасать Рязань.
Они свои дружины гнали
На помощь брату своему,
Они тогда ещё не знали,
Какой конец пришёл ему.
И вдруг раскинулась пред ними
Сама беда, гроза сама,
Не видно солнца в сизом дыме
—
На девять вёрст ордынцев тьма.
В неравный бой они вступили,
Своим сородичам верны,
И в сече головы сложили,
С

Рязань, Рязань! Теперь тебе,
Твоим несчастным горожанам
Уже не выстоять в борьбе,
Не совладать с жестоким
ханом.

Враги в ворота ворвались,
Таких не знала ты доныне!..
С высокой колокольни вниз
С младенцем бросилась
княгиня.

И чашу смертную до дна
Испив от горького начала,
В огне на площади она
Батые мёртвая встречала...
Горят хоромы, терема —
Всё, чем Рязань была богата.

Дек
Бат

Пять дней оборонял народ
Свой край, как говорит
сказанье

И пять ночей небесный свод
Пылал над стонущей
Рязанью.

А на заре шестого дня
В леса, в приют шатровых
елей,

Врага жестокого кляня,
Бежали те, что уцелели.

И к ним, как воин и как брат,
Горя упорной жаждой мщенья,
Пришёл рязанец Коловрат
И стал готовить ополченье.

Их тысяча семьсот пришло.

Они зашли ордынцам с тыла.
Батый, взобравшись на седло,
Оцепенел: «Какая сила!

Откуда? Где она была?

Неужто мёртвые восстали?

Рязань сгорела вея дотла,

Над леплом вороны летали!..»

Впервые дрогнула орда,
От ужаса теряя разум.
И двинул Коловрат тогда
Всю силу на ордынцев разом.
Не обучали эту рать,
Людей, случайно уцелевших,
Но каждый шёл врага карать
За родичей, в огне истлевших,
И за потопленных в Оке
Готов был каждый мстить
монголам,
А меч у мстителя в руке
В бою не кажется тяжёлым
В декабрьской стуже бой суров,
И вражий рог ревёт сердито,
И шлемы валяются с голов
Горячим коням под копыта.
Пускай у русских меньше сил,
Но страха Коловрат не знает,
Уже свой меч он затупил,
Он меч монгольский поднимает.

Батый с него не сводит глаз, —
Какое русское упорство!

Он шурина даёт приказ:
Вступить с врагом в
единоборство.

Смотри теперь, Батый, смотри,
Как в снежной и колючей пыли
От двух сторон богатыри
Перед войсками в бой вступили.

Взметнулись конские хвосты,
В зрачках коней огонь пожаров,
И расщепляются щиты
От сокрушительных ударов.

А с двух сторон войска стоят, —
Морозный воздух полон гулом,
И вдруг Евпатий Коловрат
Заносит меч над Хостоврулом.

Удар! В сугроб зарылся щит:
Батыев шурин пал — убит!..

И яростный Батыя крик
Застыл над снежной пеленою,
И оба войска в тот же миг

Друг другу в стык пошли

И столько жизней смерть взяла,
Что под снегами твердь стонала,
Пока рязанского орла
Шакалов стая окружала.
..И вот у ног Батыя он —
Евпатий Коловрат убитый.
А хан Батый? Он окружён
Угрюмых полководцев свитой.
Он, сам с собою говоря,
Стоит и смотрит, потрясённый,
На строгий лик богатыря,
Бессмертьем в смерти осенённый.
Монгольский меч в руке зажат —
Тот меч, которым дрался лихо
Рязанский воин Коловрат.
И хан Батый бормочет тихо:
«Когда б тот воин был моим,
Близ сердца я б держал такого!..»
А над землёй клубился дым,
Он гнал людей, лишённых крова,
В леса, на страх ордынским ханам,
На славу первым партизанам.

До берегов Москвы-реки
Ордынский хан довел полки...
Кремль осаждает хищник
смелый!

Он до зубов вооружён,
Он мечет огненные стрелы,
По стенам в крепость лезет он;
Во все ворота бьёт тараном,
Под башнями костры кладёт...
И нету сил бороться с ханом,
Пылает Кремль, пропал народ!..
Не много дней осада длится,
И вот уж больше нет столицы...
Над пеплом вороны летают,
Чернеют проруби реки.
Февральский снег ложится, тает
В м...

И на московском пепелище
Среди многих тысяч мёртвых
тел
Своих родных и близких ищет
Тот, кто, по счастью, уцелел.
И горькой, дымной гарью
тянет,
И горько плачет русский люд
О тех, кто никогда не встанет,
О ком не раз мы вспомним тут.
Не раз ещё Москва горела,
Не раз глумился враг над ней,
Орда топтала то и дело
Просторы родины твоей.
Но солнце к вечеру садится
И утром заново встаёт,
Так каждый раз свою столицу
Вновь восстать призвал народ.

1242 год

СЛОВО О ПОБОИЩЕ ЛЕДОВОМ

Ой ты, Новгород Великий,
Господин торговых дел!
От боёв с ордою дикой
Ты счастливо уцелел.
И стоит твой Кремль-Детинец
На высоком берегу,
Словно сахарный гостинец
В светлый праздник на торгу.
Ой ты, древний город вольный,
Не привык поклоны класть...
Новгородцы недовольны,
Уступая князю власть.
Ты единственный меж всеми
Управлялся без князей,
Только ныне ведь не время
Вольной гордости твоей.
Там, куда садится солнце,
Неспокойно в этот час —
Ведь задумали ливонцы
Наши земли взять у нас.

А ливонский хищный рыцарь —
Самый ближний твой сосед.
У тебя ж, как говорится,
Воля есть, а войска нет!
В Переяславль тебе за князем
Посылать гонцов пора,
Пусть с поклоном рухнут
наземь —
Среди княжьего двора.
Александр! Ведь он от шведа
В Невской битве землю спас,
И тебя он от соседа
Защитит на этот раз.
Хоть с тобою Невский в ссоре
И на норы твой сердит,
Но родной отчизны горе
Тяж

По долине голубой
Снежною дорогой,
Соблюдая меж собой
Распорядок строгий,
Шла в поход большая рать
Князя-полководца,
Чтоб от немцев защищать
Землю новгородцев.
Позади остался дом
И тепло людское.
Впереди сверкало льдом
Озеро Чудское.
Лес по берегу высок,
Видно, рос веками.
Вышла рать на островок —
На «Вороний камень».
Перед утром русский князь
Обходил дружины,
С русским воинством
стремясь
Дух держать единый.

«Слушай! Слушай, добрый
люд,
Слову князя внимли!
Хан Батый, жесток и лют,
Разоряет земли.
Губит нас проклятый враг,
Грабит нас безбожно,
Но от хана как-никак
Откупиться можно.
Дань заплатим. Спору нет,
Стянем пояс туже.
Но ливонец — наш сосед,
Дело тут похуже!
Вот теперь не отбери
У ливонцев Пскова, —
Доберутся до Твери,
Суздаля, Ростова.
А захватят города
И начнут селиться,
И прости-прощай тогда,
Русская земля!»

Нам их земли не нужны,
Нам своё вернуть бы,
Ведь сейчас нам вручены
Всей отчизны судьбы!..»
Князь в предутреннюю
тьму

Говорил, спокоен, —
Знал, что делу своему
Верен каждый воин.
Рано, рано поутру
Из туманной дали
Резкий голос медных труб
Люди услышали.
То, неся стране беду,
Тяжело, но быстро
Шло по озеру, по льду
Война...

Вот оно идёт, идёт,
Лязгом угрожая,
Солнца утренний восход
В латах отражая.
И с крестами на груди,
На тяжёлых латах,
Два ливонца впереди —
Два быка рогатых.
Два ливонца — первый ряд,
Во втором — четыре,
В третьем — шестеро стоят,
С каждым рядом — шире.
По двенадцати в ряду,
А рядам нет счёта.
Меж рядов, не на виду,
Кроется пехота.
Подвигался этот строй
В ледяном сверканье,
Назывался этот строй
«Головой кабаньей».

Увидав перед собой
Эту силу в латах,
Выходили в смертный бой
На врагов проклятых.
И с дружиной наравне,
Мужики в овчинах,
Кто пешком, кто на коне,
Даже при дубинах.
Вот как суздальская рать
С немцем в бой вступала.
Надо было устоять
Во что бы то ни стало!
Метит ратник, метит в цепь,
Что блестит на солнце, —
Хочет в шлем, в глазную щель
Поразить ливонца.
Стрелы острые у нас,
А попробуй, ну-ка,
Попади «не в бровь, а в глаз» —
Хитрая наука!..

И вот тут-то наша рать
Набралась терпенья,
Чтоб ливонцам показать
Всё своё уменье.
У ливонцев перевес —
«Клин кабаний» страшен,
Он идёт наперерез
Пехотинцам нашим.
Вот вгрызается он к нам
В строй «кабаньей пастью»,
Чтоб разрезать пополам
Войско на две части.
И не сладить нипочём
С этой силой дикой:
Рыцарь сверху бьёт мечом
И пронзает пикой...
Но когда внедрился в тыл
Алый крест зловещий,
Князь с дружиной окружил,
Взял ливонца «в клещи».

И пришла в смятенье та
Рыцарская сила:
Отвалилось от «хребта»
Всё «кабанье рыло».
Грохот, ржанье, стон и крик,
Наши жмут сильнее,
А ливонец не привык
Получать по шее.
Как? Куда теперь бежать
В панцире пудовом?
Или, сняв его, дрожать
На пути ледовом?
И по льду семь вёрст
пешком,
В плен дружиной взяты,
Шли ливонцы босиком,
Поблизости

Ты мне скажешь, что в
главе
Ратники воспеты,
О столице, о Москве,
Ничего в ней нету!
Но отвечу я тебе,
Чтоб ребята знали:
Эти ратники в борьбе
Землю отстояли!
Ведь спасли они тогда
Русскую землю —
Сёла, пашни, города,

